

дионе и том ценном эстетическом опыте, которое дает живое присутствие на спортивном событии, несмотря на все его риски¹⁶.

Концом дискуссии и всей конференции послужило рассуждение о тесно связанных с творчеством категориях: вымысел и воображение. Вымысел (fiction) может запускать воображение в читателе, а воображение позволяет чувствовать даже не полученный нами опыт, помогает конструировать поддерживающую нас реальность и, самое главное, ведет к «способности вообразить общее позитивное будущее». Запрос на общее позитивное будущее представляется ключевым для современной культуры — и обсуждение проблемы присутствия позволяет по-новому увидеть эту важную составляющую культурной деятельности.

*Анна Швец
Полина Левина
Елена Сосина*

**Международная конференция
«XXX Большие Банные чтения.
“Культурная антропология границ
в современных обществах”»**

*(Журнал «Новое литературное обозрение»,
5–7 апреля 2024 года)*

DOI: 10.53953/08696365_2024_190_6_409

Темой юбилейных, тридцатых Банных чтений, прошедших 5–7 апреля 2024 года в онлайн-формате, стала «Культурная антропология границ в современных обществах». По словам основательницы «Нового литературного обозрения» *Ирины Прохоровой*, главной задачей конференции всегда было, и в особенности остается сейчас, преодоление изоляции. Осмысление феномена изоляции, трансформации социальных, исторических и культурных практик в «открытом» и «закрытом» состояниях общества позволяют проблематизировать не только само понятие границы, одним из эпифеноменов которой является изоляция, но и возможности и практики ее преодоления.

Линией напряжения, протянувшейся через всю конференцию, стало переосмысление понятийного и терминологического аппаратов, через которые прочитывается феномен границы. Как заметила *Ирина Прохорова*, двуязычность конференции, рабочими языками которой стали английский и русский, обусловила проблему перевода целого кластера понятий, связанных со словом «граница». При этом проблема перевода не ограничивалась лингвистическим измерением, но открыла пространства смыслового, методологического и даже метафизического срезов. Также было отмечено, что основными задачами журнала «НЛО» и Банных чтений по сей день остаются попытка интеграции российской гуманитарной

---

16 *Gumbrecht H.U. Crowds: The Stadium as a Ritual of Intensity. Stanford, CA: Stanford University Press, 2021.*

мысли в мировое сообщество, расширение ее понятийного аппарата, переосмысление собственной традиции и освоение западноевропейского наследия. Пространство диалога, выстроившееся в рамках XXX Банных чтений, стало еще одним шагом на пути реализации этих целей. Участники конференции попытались нащупать и разработать общее поле коммуникации и взаимодействия в межъязыковом пространстве.

В первой секции, озаглавленной «Теория границ» (модератор Ирина Прохорова), понятие границы было представлено через эстетическую, политологическую, социально-философскую и психоаналитическую оптику. Конференция открылась докладом *Бориса Гройса* (Европейская высшая школа, Швейцария) «*Границы защиты*». Как заметил докладчик, процессы, через которые описывается современное общество, в первую очередь процессы глобализации и технического прогресса, обозначают не только саму границу контроля и управления (border), но и ее экспликацию в политическое, антропологическое и социальное измерения. Техническое может быть понято или осмыслено одновременно как неподконтрольное человеку и как то, что требует этого самого контроля и поддержания. В свою очередь, глобализация может быть прочитана в терминах сближения и отдаления, стирания и восстановления границ одновременно. Таким образом, как процесс глобализации, так и технический прогресс в современности интерпретируются как потенциальные угрозы культуре и природе соответственно.

Традиционным ответом на эти угрозы является политика защиты «редких животных и рыб, природных ландшафтов, рек и морей» (левый дискурс) и «традиционных городских пространств», «местного населения» (правый дискурс). Однако, по мнению докладчика, следует задаться вопросом о том, что же на самом деле находится под угрозой и требует защиты.

Различия между левым и правым дискурсами, граница, которую они проводят как между собой, так и в областях определяемой ими угрозы, обнаруживают феномены идентичности и различного рода меньшинств. Тем самым в зависимости от того, как именно формулируется политическая повестка, определяются и угрозы, риски, объекты, требующие защиты. Сама граница может, следовательно, быть прочитана как «граница защиты».

В дискуссии после доклада на примере европейской ситуации обсуждались вопросы эмиграции, связи культуры с территориальными ограничениями и политическими регуляциями, а также резонирующие с ними темы (само)идентификации, диверсификации и противоречия между политическим, юридическим и национальным. Отдельное внимание было уделено тому, как изменилась анализируемая ситуация за последние двадцать лет в связи с процессами глобализации.

В следующем докладе тема стирания и преодоления границ была рассмотрена через отмену запрета в измерениях нормы, трансформацию движущих сил, взаимоиспаривание трансгрессии и резонанса как инструментов анализа социального поля. При содействии *Арсения Куманькова* («Новое литературное обозрение», Москва) в театрализованном полилоге под названием «*Трансгрессия и преодоление: онтология, этика, экономика*» *Артемия Магуна* (Институт глобальной реконституции) и *Йозефа Регева* (Европейский университет, Санкт-Петербург) граница (boundary) тематизируется через указание на то, что обозначение границы в определенном смысле означает и ее преодоление. Так, современная культура базируется на снятых запретах на сексуальность, насилие, неприличное поведение и т.д. Идет ли речь о трансгрессивности, десакрализованности или профанном характере современной культуры, диалектическое отношение между запретом и его преодолением может быть осмыслено в терминах садизма, о котором как о движущей силе и одновременно симптоме современного рационального субъекта

писал еще Т. Адорно. В свою очередь, садизм опять же обретает пару в виде антисадизма, поскольку наряду со снятием запретов практикуется и «социальная дистанция», призванная исключить саму возможность причинения боли. Именно диалектичность отношений садизма и антисадизма позволяет обнаруживать или подозревать в последнем «расширенный вариант садизма культуриндустрии», о котором опять же писал Адорно.

Необходимое уточнение позиции садизма и как понятия, и как практики производится через обращение к Ж. Делёзу. Садизму в таком случае противостоит не антисадизм, а другой «механизм имманентизации невозможного». Опорной парой тогда выступают трансгрессия и резонанс, где есть отсылка, с одной стороны, к практике преодоления границы, выхода в иное измерение, а с другой — к практике обнаружения того, что связывает находящееся по обе стороны границы. В современной ситуации констатируется победа общества резонанса (Ж. Делёз) и одновременно «восстание трансгрессии» (А. Бадью, С. Жижек). Главным героем здесь оказывается не садист или мазохист, но, как подчеркнул Регев, человек знака, тот, кто «живет не ради “нового” и вообще не ради “имманентного невозможного”», а ради знания, «причем весьма специфического — знания о тех “навязывающих себя” знаках, которые он встречает, и о тех путях, на которые они указывают».

Оппозиция между трансгрессией и резонансом, диалектическое отношение между ними может быть снято через формирование «общества прояснения», требующего выхода за пределы «мира имманентного невозможного». Однако именно здесь возникает подозрение, что проблема вовсе не в прояснении того, что стоит за садизмом как ведущей силой и симптомом рационального субъекта, а в том, как именно читаются «знаки судьбы», как производится работа с теми найденными и понятными решениями, которые современность не в силах воплотить в действительности. Именно это возвращает к оппозиции «садизм — антисадизм», которая в ситуации собственного бессилия перед вызовами современности не способна разглядеть идентичность друг другу.

Таким образом, вопрос о границе проясняется авторами полилога через онтологические, этические и экономические экспликации субъекта современности с его проблематизированными желанием и волей, экономикой наслаждения и страдания и дезориентацией в этическом поле.

Последующая дискуссия касалась вопросов о том, насколько вписывается или меняет схему историческая укорененность различных типов субъекта («человек трансгрессии» и «человек резонанса»), в особенности того типа субъекта, который выпадает из исходной пары и обеспечивает победу резонансу («человек знака»). Проблематичным здесь оказывается тезис докладчиков о том, что «человек знака» был «лишен собственной экономики и потому существовал лишь как “вне-экономический”». Другой проблемной ситуацией, обсуждавшейся в ходе дискуссии, оказалось рассмотрение садизма как отдельного феномена. Не в последнюю очередь значимым оказывается то, что для целого ряда концепций, в том числе близких Делёзу, не существует чистой позиции садиста или мазохиста, скорее речь идет о различных версиях садомазохистских вариаций.

Еще одним способом осмысления границы (boundary) является разговор уже не о ее стирании или преодолении, но о подвижности и, соответственно, возможности (пере)прочерчивания. В докладе *Айтен Юран* (Восточно-Европейский институт психоанализа, Санкт-Петербург) «*От линии границы к литорали. Продвижение из психоанализа. В сторону топологического осмысления этого перехода*» граница проблематизируется из перспективы психоаналитического поля. Классический ход мысли З. Фрейда, обнаруживающий подвижность границы между «я» и «не-я», «я» и «Другим», «я» и внешним миром позволяет ставить вопрос о ди-

намике самой границы. Однако именно то, как прочерчивается граница, как осуществляется сборка и пересборка субъекта, то, какова «судьба влечения», позволяет поставить вопрос о пространственном устройстве самой границы. Граница оказывается областью, территорией, открывает способ собственного прочерчивания, разворачивания, словом, ставит вопрос о возможности «пересмотра привычной пространственности» уже в лакановском психоанализе.

Привычное расчерчивание пространства по линиям верха и низа, того, что предполагается впереди и что остается позади, не позволяет адекватно работать с психическим аппаратом. Скорее речь идет о «соотношениях на самой поверхности», «поверхностных слоях душевного аппарата» (З. Фрейд). Граница как линия в последовательном движении за мыслью Фрейда уступает место метафоре прибрежной полосы, литорали.

Лакановское прочтение границы обнаруживает оппозицию тотализирующего мышления самотождественности и мышления, позволяющего видеть различия. Граница, понятая лишь как линия, обнаруживает измерение идеологии, сводя Другого до уровня простого «отброса» (ср. процесс отбрасывания в психоанализе), нивелируя возможности самой способности удерживать связь Тождества и Различия. Напротив, граница, понятая как литораль, открывает движение к внебиологическому в человеке. В свою очередь, вне- и надбиологическое в человеке трансформирует и понимание границы, которая через топологическое прочтение отсылает уже не к пространственности как таковой, но к протяженности и языку: Лакан, по словам докладчицы, вводит в понятие «граница» некую протяженность, интервал, «через буквальность буквы».

Работа с пространственно-временным измерением границы через топологические прочтения обнаруживает связь с этическим измерением, выстраивая таким образом отношения между биологическим, психическим и этическим. Граница как край, «который связан с разрезом, особым образом связывающим гетерогенные и чужеродные друг другу элементы, давая место не не-А», обнаруживает необходимость трансцендирования границы «как простой разграничивающей линии». Тогда как граница, понятая как линия, проведенная между А и не-А «с неизбежной исторической трагичностью, упирается в воображаемую ось, в противостояние параноидного характера к тому, что Фрейд описывал как “нарцизм малых различий”», — заключила Айтен Юран.

Кажущийся необходимым уход от границы как линии к границе как интервалу, промежутку обнаруживает «непереходный» характер для субъекта, потому как границы, пролегающие между разными культурами, несводимы. Именно поэтому указанная необходимость в понимании границы как литорали должна читаться через этическое измерение.

В последующей дискуссии поднимались вопросы о топике субъекта, способах оставления следов, реальном или воображаемом статусе самой границы. В результате из связи психического, биологического и этического проступили и возможности трансформации предложенного понимания границы в экзистенциальную, социальную и политическую плоскости.

Эд Кейси (Университет Стоуни-Брук, США) в докладе «*Границы-borders и границы-boundaries: как это различие проявляется в критических ситуациях*» ввел свое прочтение различий в динамику соотношения разнообразных способов прочерчивания границ. Отказываясь от понимания границы как простого предела, то есть чистой негативности, Эд Кейси предлагает работать с различием границы в ее географическом (boundary) и геополитическом (border) смыслах. Данное различие просматривается в возможностях измерения (протяженность границы), от- и разделения, герметизации региона или территории, того, что обозначается на картах

и в английском языке передается словами *border*, *borderline*, с одной стороны, и напротив, в сопротивлении разделению, наследовании природных феноменов, размыканию навстречу другим частям региона и соединению неотъемлемых частей одного и того же феномена — *boundary*. Если один тип границы закрывает, то другой открывает. При этом важно, что оба типа границ могут существовать комплементарно.

Так, на примере двух случаев (границы по реке Рио-Гранде между США и Мексикой и границей между Израилем и Палестиной) Эд Кейси показывает возможность сосуществования или взаимодействия географического и геополитического в ситуации комплементарности двух типов границы (США — Мексика) и отношение оппозиции, конфликта, оспаривания, прямого столкновения в случае некомплементарности (Израиль — Палестина).

Отмечаемые расхождения между различными типами отношений (наследования, права владения, права собственности) при комплементарном и некомплементарном отношениях между разными способами прочерчивания границы отсылают не только к указанной выше оппозиции, но и к точке схождения — земле в ее экзистенциальном и историческом измерениях, повседневных практиках, диктуемых ей ритмах, изменениях как географических, так и геополитических факторов. Земля как то, что обрабатывается, наследуется, как то место, в котором живут и которое хранит следы предыдущих поколений, обладает своей логикой, своей динамикой, оказывается истоком тех различий, которые мы обнаруживаем в двух типах границы.

В дискуссии после доклада обсуждались вопросы изменения географических границ, возможности выстраивания инфраструктуры при комплементарном и некомплементарном отношениях между географическим и геополитическим, а также возможности снятия этих оппозиций через обращение к концепту «земля».

Формированию феноменологической и экзистенциальной повестки в отношении границ, самой возможности выстраивать отношение к термину «граница» был посвящен доклад Ганса Ульриха Гумбрехта (Стэнфордский университет, США) «*Нужны ли границы в совместном бытии? О статусе пространства в человеческой жизни*». Отталкиваясь от повестки конференции, в которой имплицитно присутствует критическое отношение к термину «граница», докладчик, напротив, предложил альтернативную повестку защиты понятия «граница» (*border*), рассмотренное им во вполне традиционном ключе в качестве территориальных линий, установленных между нациями, государствами или областями.

Историческая часть доклада строилась на указании, что границы — наследие Просвещения, вместе с критикой которого, уже вполне привычной для современных интеллектуалов, критикуется и все, что попадает в его орбиту, в данном случае понятия «нация» и «граница». При этом понятие «нация» прочно связывается с национализмом, который, в свою очередь, ассоциируется или даже пугается с фашизмом. Отказ от нации и риторики защиты национального ведет и к отказу от границ, стремлению к их стиранию. Однако различие между национализмом и фашизмом весьма существенно, ведь именно в логике и мифологии последнего присутствует переход от искупления к жертве, которым идеологически обосновывается присоединение территории.

Философская часть доклада ориентировалась на феноменологию Э. Гуссерля, ставящую вопрос об истоке пространства и времени. Если время в понимании Гуссерля может быть описано через понятия ретенции и протенции, которые увязывают отношения между модусами времени (прошлым, настоящим и будущим), то нельзя ли, задается вопросом докладчик, и пространство рассмотреть в рамках аналогичной схемы? Исток пространства видится в физическом присутствии тела,

то есть в буквальной возможности прикоснуться, дотянуться, получить к нему доступ. Продолжая линию соотношения пространства и времени, Гумбрехт констатирует, что человечество относительно времени имеет скорее порядок договоренностей (различие в часовых поясах, например, не является источником конфликтов), тогда как, напротив, пространство — зона оспаривания, конфликта, противостояния. Например, именно через пространственные отношения определяется насилие (М. Фуко).

Опираясь на оппозицию пространства и времени Гумбрехт сформулировал два типа аргументов в защиту понятия границы: аргумент приватности и аргумент интенсивности. Первый аргумент: граница защищает приватность, что особенно заметно в феноменах электронных коммуникаций, когда личное пространство оказывается практически нивелировано. Второй аргумент: формирование коллективного тела ведет к увеличению интенсивностей (Ж. Делёз), но это формирование невозможно без линии демаркации.

Таким образом, резюмирует Гумбрехт, скорее нужно скорректировать проект Просвещения, понятия границ и наций, особенно в отношении практик (уплаты налогов, визуализации территорий, символического порядка и т.д.), чем отказываться от них.

В дискуссии после доклада обсуждались вопросы границы языка, единства языка и территории, невозможности перевода. Уточнением к терминологической части доклада стало проведение различия между пространством и *местом*, особенно в контексте обсуждения коллективного тела и чувства места.

Первый день конференции, посвященный теоретическому осмыслению понятия границы, показал взаимопереводимость различных типов дискурса и на методологическом, и на тематическом, и на проблематическом уровнях. Подвижность границы и способы ее прочерчивания и преодоления позволяют говорить о необходимости междисциплинарного подхода к ее исследованию. Смена онтологической оптики на психоаналитическую, экономическую, политическую или эстетическую обнаруживает возможность комплексного анализа феноменов, проявляющихся в связи с тематизацией границы. Наконец, вызовы, риски и стратегии защиты, проявленные в современности, допускают собственное переосмысление различных прочтений понятий границы.

В утренней секции второго дня, озаглавленной «Границы и трансгрессия в литературе и кино» (модератор Кирилл Зубков («Новое литературное обозрение», Москва)), в фокус внимания был взят культурологический пласт. Через проблематизацию типов высказывания (мимесис — семиозис), анализ жанровой определенности (автофикшен) и тематизацию фигуры (трикстер) в выступлениях удалось проследить способы реформативирования культурного канона.

Доклад *Сергея Зенкина* (РГГУ, Москва / НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург) «Граница, мимесис, идентичность» задал общую рамку теоретического рассмотрения границы (border) в литературе и кино через прочтение границы в оптике семиотики. Структурной рамкой доклада является со- и противопоставление мимесиса и семиозиса.

Структура доклада представлена тремя срезами: место и пространство, зеркальная идентичность, трансгрессия и пароль, — задающими три различных способа сборки идентичности, отношений пространства и времени, прочтения границы. Мир без границ — мир, имеющий дело не с пространством, а со временем, — «мир мест, отдельных и независимых одна от другой областей, обладающих каждая своим “лицом”». Совокупность мест организует «пространство» по принципу наличия пятен, каждое из которых обладает своим центром, своим порядком организации, своим кодом. Места в отсутствии возможности сравнения или соотнесе-

ния друг с другом обнаруживают сакральный порядок, допускающий лишь миметическое образование частичных сходств.

Процесс проведения, прочерчивания границ в таком случае «выражает волю к рационализации пространства, а еще точнее — просто к образованию *пространства* как такового, которое обладало бы абстрактной формой и не исчерпывалось бы одной лишь суммой своих мест-содержаний». Так мыслится дантовское движение расчерчивания потустороннего мира и отличие от гомеровского топологического перехода в странствиях Одиссея.

Образуемый волей к рационализации пространства переход от «чистого» мимесиса к семиозису позволяет говорить уже не о соотношении места и пространства, но о зеркале и возможностях образования идентичности. Следствием рационализации пространства является оппозиция «тут — там», где «та» сторона обнаруживает порядок неопределенности, того внешнего в указанной оппозиции, в сопоставлении и противопоставлении с которым выстраивается собственная определенность культуры. «Культура, — утверждает Зенкин, — создает не только свою внутреннюю организацию, но и свой тип внешней дезорганизации. Античность конструирует себе “варваров”, а “сознание” — “подсознание”».

Кривое зеркало мимесиса порождает через различие саму возможность коллективной идентификации, строящуюся по принципу «мы» и «они». В таком случае сама граница как граница порядка и хаоса, своих и чужих и т.д., оказывается тем, что изолирует, герметизирует тут и там, наше и их. Отношения внутреннего и внешнего оказываются отношениями, описываемыми в терминах центра и периферии. При этом сама граница неизбежно релятивизируется: центр и периферия обратимы в зависимости от того, с какой стороны границы смотреть.

«Искаженная зеркальная симметрия» пограничных областей, в свою очередь, позволяет проблематизировать процесс пересечения границы, понимаемый уже как трансгрессия: каждое пересечение границы становится событием, которое обладает не только знаковым, но, как подчеркнул докладчик, и миметическим потенциалом. Жест трансгрессии релятивизирует уже не только границу как таковую, но и процесс ее пересечения, поскольку может осуществляться не только вовне, в буквальном пространственном пересечении границы, но и внутри культурных текстов, например в практиках перевода.

Движение от понимания границы через соотнесенность с местом к границе, предполагающей жест трансгрессии, позволяет соотнести объектно-семиотический аспект с субъектно-миметическим. Граница, следовательно, проходит через аффективные переживания и тексты культуры, наделяя их внутренней неоднородностью, а в случае, когда речь идет о художественной культуре, позволяет создать динамику их восприятия, благодаря тому что мимесис в разных своих формах взаимодействует с семиозисом.

В дискуссии после доклада проблематизировалось отношение центра и периферии, возможности демаркационных линий и способов их проведения, с одной стороны, и организации пространства — с другой. Возможность пересечения и прочерчивания границы, в свою очередь, в жесте трансгрессии позволяет говорить не только о горизонтале пространственных отношений, но и о вертикали социальных. Таким образом, граница в пространстве культуры обнаруживает свой диффузный характер, запуская отношения между культурными практиками, социальным устройством и языковым пространством, пространством знака.

Языковое пространство как пространство саморефлексии в полной мере раскрылось в докладе Ларисы Муравьевой (независимая исследовательница, Санкт-Петербург) «Автофикшен — трансгрессивный жанр?». Доклад был посвящен попытке переосмыслить трансгрессивность жанра автофикшен и показать ее (транс-

грессивность) как одну из конститутивных черт этого способа письма и чтения. Принято считать автофикшен тем, что находится на границе между вымыслом и реальностью, доверием и обманом, то есть представляет собой процесс гибридизации жанров. Однако можно прочесть трансгрессию в автофикшене гораздо более многоаспектно: через соотношение опыта и письма, «я» и Другого(-их). Это находит свое отражение, в частности, в издательских стратегиях автофикциональных текстов, в политике репрезентации и запроса на аутентичность, ограничивающих и определяющих новую этическую норму рассказа от первого лица.

Границы (и их переход, преодоление, нарушение) между «я» и Другим ставятся под вопрос в символическом, этическом и дискурсивном полях. Автофикшен оказывается жанром, где опровергается и релятивизация нормы в культурных и социальных практиках и размывание табуированных зон. Граница (boundary) между жизнью и литературой отнюдь не только переопределяется в автофикциональных текстах, но и проблематизируется в юридическом поле, где текст может свидетельствовать (и свидетельствует) о вторжении в частную жизнь. Столкновение юридического, правового поля и этического измерения трансформирует и нарративную структуру: автофикшен — жанр, который знает о своем трансгрессивном «потенциале».

В качестве второй фигуры трансгрессии докладчица выделила телесно воплощенный, инкорпорированный опыт. Возможность проживания, поиска языка, способов выписывания непосредственно пережитого или переживаемого опыта представляет, по мысли Муравьевой, основную конвенцию автофикшена — аутентичность репрезентируемого телесного опыта. В свою очередь, граница между письмом и опытом и здесь трансгрессируется, обнаруживая измерение или возможность «телесного письма» (С. Дубровски). Работа со связью тела и письма позволяет нащупать еще один способ понимания трансгрессии в автофикшене: «Автофикшен, — отметила докладчица, — направлен на предел, несмотря на то что он остается до конца неподвластным выражению. Субъект, который говорит в автофикшене, обладает своим уникальным опытом и речью, проистекающей из его тела».

Наконец, третья фигура трансгрессии задана лиминальным опытом, где автофикшен представляется в качестве литературной практики исследования границ нерепрезентируемого опыта. В качестве ключевых концепций, существенных для понимания этого процесса, Муравьева указала на философские теории трансгрессии Ж. Батая и М. Бланшо. Попытка балансировки на границе (borderline) между нерепрезентируемым опытом и письмом открывает возможность исследования, проживания травмы, а вместе с этим измерение связи литературы и смерти.

Три фигуры трансгрессии, рассмотренные в докладе, позволили докладчице прийти к выводу о том, что автофикшен — литературная практика переосмысления границ в самом широком смысле: границ между жанрами автобиографии и романа, между «я» и Другим(и), между различными версиями «я», между прожитым опытом и опытом письма, между репрезентируемым и не-репрезентируемым.

В ходе дискуссии прозвучал уточняющий вопрос о пассивности и активности тела, где опыт активного, удачного тела оказывается частично вытесненным из автофикционального пространства осмысления. Докладчица согласилась с тем, что трансгрессия, положенная в основу жанра, скорее относится к тем телесным практикам, которые показывают тело как пассивное, или страдающее, или травмированное. Столь же важным, отметила Муравьева, оказывается, что в автофикшене наличествует большой потенциал «брать на себя функцию политического высказывания». Также во время дискуссии обозначилась связь жанра с терапевтическими практиками, но автофикшен больше и шире, чем терапия, поэтому терапевтическая функция является лишь одной из многих, заложенных в нем. Важным

также стал вопрос о смещении границы между читательским восприятием и позицией автора. Здесь обнаруживается еще одна грань трансгрессивности, которая перенастраивает как читательскую оптику, так и авторскую, то есть можно констатировать еще не до конца выработанную конвенцию: жанр автофикшен находится на этапе поиска себя.

И если в докладе Ларисы Муравьевой имеет место столкновение с предельным опытом «я» в его пограничных состояниях, нестабильности, неустойчивости и попытке выйти во внешний мир через разговор о телесности, травмах и даже преодолении смерти, в рефлексии произошедшего с помощью письменного слова, то в докладе Марка Липовецкого (Колумбийский университет, США) «Трикстеры “застоя” и этические границы» раскрывается пространство «киношных» персонажей, через которые показываются границы (boundaries) между этической трансгрессией и морализмом.

Фигура трикстера-моралиста не является открытием эпохи застоя, но в отличие от более ранних трикстеров (Остап Бендер, например), трикстеры указанного периода отсылают не к альтернативным этическим ценностям и координатам, а к сочетанию «трикстерской трансгрессивности» с «моралистической охраной этических границ» (вампиловские персонажи Бусыгин и Зилов; герои знаменитых комедий Дегочкин, Афоня, Бузыкин, Мюнхгаузен, Бубенцов).

Другой чертой трикстеров застоя является то, что они моральными нормами и ограничиваются. Переустройство общества, социальная или политическая критика остаются «за кадром» критики конформизма, цинизма, вызывая симпатию и сочувствие при всей неоднозначности (если следовать фабуле) своих действий.

Литературным контекстом появления трикстера был ориентированный на «доброту» и «теплоту» поиск «нравственных исканий», размывающий границы этического и политического. Сфера этического, с одной стороны, позволяла рассматривать любой, в том числе и политический, вопрос, с другой стороны, именно эта акцентуация на этическом приводила к потере фокуса и лишала политическое всякой определенности. И если для фигуры трикстера в целом характерна культурная функция «репрезентировать репрезентацию» (остранять риторику современной ему культуры), то «этический» трикстер застоя в своей исключительной концентрации на этическом реализует себя сполна.

Анализируя фигуры Дегочкина (Э. Рязанов), Афони и Бузыкина (Г. Данелия), Бусыгина, Зилова (А. Вампилов), Мюнхгаузена и Калиостро (М. Захаров), Липовецкий показал, что трикстеры-моралисты при всей дистанцированности от социально-политического контекста по-своему проявляли кризис советской социальности. Феномен трикстера-моралиста реформатирует «этическую навигацию», позволяя рассматривать аморализм как проявление искренности, а манипулирование и обман как необходимые условия социальной коммуникации. Поражение, казалось бы со всей очевидностью и неизбежностью преследующее анализируемых героев, скорее указывало на кризис как «хроническое состояние эпохи застоя», подрывая всю систему советской нормативности.

В дискуссии после доклада обсуждались вопросы проблематизации самой границы в ее этическом измерении, ведь именно трикстеры в процессе трансгрессии способны проявить или обнаружить ту или иную этическую границу как несуществующую. Центральным вопросом здесь является поиск эстетических эквивалентов этической двусмысленности.

Фигура трикстера-моралиста оказывается фигурой-носителем не только самих границ, которые трикстер постоянно пересекает, но и того, что обнаруживается на фоне или в пространстве очерчиваемых границ. Так, дистанция от социального или политического вовсе не означает их выпадения из поля взгляда. Напротив,

трикстер-моралист — еще один способ проявления фокуса, в котором сходятся социальное, политическое, этическое и эстетическое.

В дневной секции второго дня, получившей название «(Пост)советское: границы закрытого общества» (модератор Татьяна Вайзер («Новое литературное обозрение», Москва)), внимание докладчиков сконцентрировалось на поиске языка описания сообществ, формировании сообществ определенного типа, их нормировании, а также на актуальных стратегиях ускользания от аппаратов контроля и управления.

В докладе *Клавдии Смола* (Дрезденский университет, Германия) «*Границы (не)различения в культуре и российских гуманитарных науках: случай гендера*» обсуждалась тема (не)видимости тех или иных социально-политических повесток, границ в гуманитарной науке советского и постсоветского периодов. «Дефициты видимости» рассматривались как проблема границ, при этом Смола задавалась вопросом об их проницаемости или непроницаемости.

Смола отметила, что советская неофициальная культура в исследованиях и своем восприятии прошла путь от героизации до анализа в качестве «системного и разнородного множества субкультур», обладающего своими кодами, канонами, сферами влияния и т.д. В этом процессе прослеживается, во-первых, то, что неофициальная культура в целом ряде мест была довольно далека от демократии, «горизонтальности», к которой тяготеет современная повестка в целом. Во-вторых, целый ряд «слепых мест» официальной и неофициальной культур совпадают или переносятся, наследуются неофициальной культурой. Одним из примеров таких мест является традиционная маскулинность, понятая отнюдь не в экзистенциальном смысле. Канонизация неформальной советской культуры обеспечила в том или ином виде ее переход в современность и задала картографию нынешней научной повестки, повлияв на стиль и канон актуальной научной риторики и этики. Такую ситуацию докладчица назвала вторичной политизацией неофициальной советской культуры. Одним из болевых измерений этого вопроса является вопрос о возможности переосмотра и реструктурирования гендерной тематики в неофициальной культуре.

Вопрос границ восприятия и научной этики (demarcation) — это вопрос места не самих гендерных исследований, которые уже давно существуют в России, а значительной маргинализации феминистской повестки относительно других характеристик идентичности (расовой, этнической, социальной и т.д.). Как отметила Смола, гендерный анализ до сих пор остается уделом научного активизма. Тогда как гендерная тематика может обнаруживать связь с вопросами деколонизации науки в широком смысле и диверсификации нашего знания.

В ходе анализа неофициальной культуры докладчица выделила «перформанс аутентичности» — феномен легитимации постсоветской маскулинности условно «хорошим» андеграундом. В частности, это проявляется в том, что язык советского андеграунда во многом формировался мужской богемной культурой, которая сохраняла различные черты многовекового патриархального уклада.

Другим измерением границ (borders) и слепых пятен андеграунда являются семейные структуры неофициальной культуры — тот пласт машинисток, хозяек домов, людей, обеспечивающих саму возможность общения, среду, в которой существовал андеграунд. В число зон невидимости попадает и «культурная агентность миноритарной маскулинности», которая сейчас начинает привлекать все больше внимания исследователей.

Полемическая часть доклада, как ее обозначила сама Смола, была посвящена критике современной гуманитарной культуры, в которой маргинализация или локализация современной повестки по-прежнему имеет место, обретая измерения «политического активизма», избегая внимания, сохраняется «мейнстриму» и т.д., что обнаруживает третий смысл границы (limit). Вопрос об истоках такого состоя-

ния гуманитарной науки в ее эпистемологическом, этическом и риторическом измерениях есть вопрос, который должна задать себе современность. Возможно, путь к ответу на этот вопрос лежит через признание того, что в постсоветской России не произошло той трансформации гендерного порядка, которая случилась на Западе в шестидесятые годы.

В дискуссии после доклада обсуждалось, насколько сама тематика выступления, представленные тезисы и вызовы, равно как и полемика вокруг современного состояния гуманитарной науки, являются видимыми для представителей «мейн-стрима», тех, кто непосредственно занимается гуманитарными исследованиями, то есть, по сути, тех, на кого эта критика в первую очередь направлена.

Другому способу рассмотрения сообщества и возможностей его описания был посвящен доклад «*Время мембран: политика, экология и технология избирательной проницаемости в СССР 1950–1960-х*». Галина Орлова (НИУ ВШЭ, Москва) проблематизировала язык, на котором может быть описана «непроницаемость» советских «секретных» объектов стратегического назначения. Докладчица обратилась к различным типам свидетельств, обнаруживающих мнимость такой секретности и непроницаемости.

Визиты иностранных делегаций, тайные испытания буквально отраженные в телах обитателей закрытых территорий, трансформируют привычные и основанные на документах представления о секретности. Допуск иностранных специалистов, институциональная организация секретных объектов — все это позволяет оспорить возможность описания закрытых территорий в терминах линии, жестко прочерченной и непроницаемой границы (border). Напротив, для таких зон, закрытых территорий требуется иной язык, на котором можно описывать и анализировать то, что там происходило.

Акторно-сетевая модель пограничных объектов также не подходит для описания рассматриваемого феномена, поскольку ей не хватает сложности, аппарата, чувствительности, в ней, как утверждает Орлова, слишком много семиотики и слишком мало прагматики.

Для поиска адекватного языка докладчица предложила обратиться к более сложному аппарату биохимии, биофизики и цитологии. Конкретно речь идет о дискуссии вокруг способа функционирования мембран, ограничивающих, окружающих и отделяющих клетку. Из трех типов мембран (физической, химической и биологической) наиболее адекватным для описания режимных объектов, по мысли докладчицы, является биологическая мембрана. Понимание мембраны как того, что не экранирует, но пропускает, устанавливает особые отношения со средой, воспринимает воздействия и во многом конституирует клетку, позволило докладчице заключить, что взаимодействия, возникающие в сложных разделенных средах, могут быть описаны в схожей терминологии.

Применение модели мембраны позволяет тем самым не просто описать способы существования режимных объектов и прочесть понятие границы (boundary) как проницаемое, но и обнаружить разнонаправленность самой границы-мембраны (demarcation), через которую можно переходить от социологии науки и техники к политике, от способов циркуляции информации внутри и снаружи тех или иных сред к повседневным практикам и их дискурсам, от метафоры к модели.

В дискуссии после доклада отмечалось использование понятия мембраны в работах Ю. Лотмана, социологических построениях Н. Лумана и связанных с ним моделей. Орлова также указала на использование понятия мембраны в философии Ж. Делёза.

Один из центральных моментов дискуссии затронул сам статус понятия «мембрана». В вопросе о том, достаточно ли просто понимать мембрану как метафору,

на каком уровне ищется и вырабатывается язык для работы с проницаемо-непроницаемыми объектами, докладчица высказалась в пользу прочтения понятия «мембрана» и его использования, скорее как модели, нежели как метафоры.

Проблематизации понятия сообщества, его границ, способов формирования и места в системе социально-политических отношений был посвящен доклад *Михаила Ямпольского* (Нью-Йоркский университет, США) «*Замкнутое как открытое. Поэтика закрытого сообщества (по поводу творчества Льва Рубинштейна)*».

Доклад Ямпольского стал жестом памяти Льва Рубинштейна, в котором реализуется двунаправленное движение: от поэтики Рубинштейна к проблематике границ и сообществ, переосмыслению вопросов языка и литературы, политического жеста, культурного ландшафта, способов сборки субъекта (Ж. Делёз) и обратно.

Закрытость как одна из отличительных черт советской культуры в процессе ее фольклоризации породила феномен массовой песни, воплощающей фокус народной, национальной и универсальной культуры (В. Флюссер). Закрытая среда (интеллигенция), обладающая определенным набором ценностей, непрерывно воспроизводит себя за счет форм, обладающих «всенародной привлекательностью и как бы «открывающих» закрытость сообщества». В результате закрытое постоянно воспроизводится как «универсально открытое».

Другой чертой закрытости интеллигенции было то, что она в определенном смысле была уменьшенной копией советской культуры, пародируя и осуществляя ее рефлексии. «Узость общего культурного и ценностного фонда создавала определенный тип закрытого сообщества, который можно назвать братством». При этом братство, как напомнил Ямпольский вслед за Ханной Арендт, — типичное явление «темных времен». То есть оно относится к тому типу культурного сообщества, в котором каждый, по сути, говорит не от своего лица, но от лица всего сообщества. Это «странное состояние неразличимости себя и другого» как раз и можно найти у Рубинштейна как представителя такого позднего советского интеллигентского братства.

Анализ способов организации текстов Льва Рубинштейна, их архитектоники высвечивает феномены коллективной памяти, сближения двух временных потоков (истории и повседневности), а также показывает сложность взаимодействия интеллигентского сообщества с «национальным», во многом являющимся абстракцией, позволяет прощупывать и тестировать их границы (boundary). Как отметил Ямпольский, Льва Рубинштейна интересует пограничная зона, область перехода, сама граница (border) между общесоветской культурой и культурой братства.

В свою очередь, анализ высказываний, словарей, типов дискурса проявляет фигуру самого говорящего, а в ней тематизирует интонацию. Именно интонация переводит один и тот же порядок слов в высказывании в тот или иной регистр, именно она, по мнению докладчика, раскрывает подлинное содержание любого высказывания и его целеполагание. При этом субъект высказывания вовсе не является единичным, как член братства он становится частью «мы», через которое проступают контуры узкого, закрытого сообщества. «Это говорение, основанное на общем интонационном чувстве иронии, которое только и отличает правду от лжи и фальши».

Специфика языка и речи Льва Рубинштейна, напрямую следующая из вопроса об интонации, проступает, как показывает Ямпольский, в радикальном отрицании всякого интеллектуального и речевого индивидуализма. Это позволяет соотносить рубинштейновское понимание речи с феноменом «малой литературы» (Ж. Делёз, Ф. Гваттари), в которой все имеет коллективное значение и коллективную ценность. Писатель в таком случае оказывается творцом того самого «мы», которое отвечает на вопрос: «Кто говорит?». Текст, различающийся по линии «кто», отсылает к еще

одному концепту Ж. Делёза — интенсивному использованию текста, что, в свою очередь, возвращает к вопросу памяти. В ситуации, когда само слово становится вещью, входит в состав различных сборок, мы и имеем дело с интенсивностью и ее пределом (Ж. Делёз), тогда как, напротив, слово, лишенное интонации, индивидуации, — слово беспамьяства, которое характерно для тоталитарного общества.

Подавление памяти — движение ухода от реальности, исчезновение сообщества, замена его фикцией власти. Установление «мы» как определенного типа сообщества оплачивается ценой особой закрытости возникающего сообщества «своих». В такой конфигурации закрытого и открытого, в их отношениях с языком, памятью, сообществом обнаруживает себя необходимость речи, с которой оказывается неразрывно связана судьба общества и культуры.

В дискуссии после доклада обсуждались возможности использования не только делёзианской, но и фукольдиданской оптики анализа дискурса, принципиальная значимость медиареальности, возможностей и архитектоники текстов Рубинштейна, судьбы постсоветских сообществ, отношения братства и дружбы.

Доклад Кевина Платта (Пенсильванский университет, США) «*От пограничных зон к границам, от приграничных жителей к пограничникам: на границах Европы после 2022 года*» обнаруживает возможность прочерчивания границы, проходящей через субъекта, понятия гражданства и возможности горизонтальных связей, ускользающих от аппарата управления и администрирования.

Распад двуполярной системы мира не только привел к сбоям в работе «мироконституирующей функции» границ (Э. Балибар) и необходимости новых способов сборки национальных и гражданских идентичностей, но и к тому, что можно было бы назвать «овнутрением» границы (line) как таковой. «Внутренние границы» И.Г. Фихте — то, что везде и нигде, оказываются тем, через что точнее всего описывается положение и состояние групп людей (таких как русские и русофоны в странах Балтии, на примере которых и строился доклад), чей статус неопределен или недооформлен в новой правовой, геополитической и культурной средах. Такие группы людей оказываются в пограничном состоянии, это люди, исключенные «из всех режимов принадлежности в Новое время», люди, состояние которых «делало их человеческой границей новой Европы». По сути, речь идет о «людях границы» (border) как по отношению ко времени, так и по отношению к пространству. При этом докладчик отметил, что возможны и ситуации, в которых пересечение границ новых государств и регионов могут открывать особые преимущества.

Теоретический аппарат для анализа и осмысления таких незапланированных возможностей Кевин Платт предложил взять из книги Джеймса Скотта «Искусство быть неподвластным»¹. Предметом рассмотрения книги являются народы, живущие в труднодоступной местности (на пограничной территории, которую Скотт именует «зомиа»), в результате чего их культурные процессы и институции оказываются не затронутыми процессами ассимиляции. Опираясь на эти размышления, докладчик определил совокупность устойчивых автономных социальных структур и практик личности, позволяющих сообществу балансировать на границах между гегемонистскими государственными образованиями как «внутреннюю зомию».

В ситуации современности приходится иметь дело с новым вызовом: эпоха постсоветских «внутренних зомий» подходит к концу. События последнего времени, увеличившие приток эмигрантов в страны Балтии, обнаруживают восста-

1 Scott J.C. The Art of Not Being Governed: An Anarchist History of Upland Southeast Asia. New Haven, Conn.: Yale University Press, 2009. На русском языке: Скотт Д.С. Искусство быть неподвластным: Анархическая история высокогорий Юго-Восточной Азии / Пер. с англ. И.В. Троцук. М.: Новое издательство, 2017.

новление значения границы в самом прямом государственном, внешнем смысле. Усиливающая свое значение внешняя граница лишает потенциала и возможности границу внутреннюю, ставя субъекта в ситуацию необходимости выбора того, по какую сторону границы в символическом порядке он находится.

В дискуссии после доклада обсуждались вопросы малой/минорной литературы и возможности применения этого делёзовского концепта к предложенному понятию внутренней зомии. Отдельной темой стало соотношение этической позиции (например, в случаях отношения к фигуре И. Сталина) и ностальгии по утрате неоднозначности и многокультурности, когда люди поставлены в ситуацию выбора. Но ностальгия по постсоветской эпохе — это ностальгия по некоторым утопическим возможностям, которые возникали в те годы и сегодня исчезли с горизонта. Здесь и возникает вопрос этики и идеологии. Во время обсуждения был затронут и ряд сложнейших вопросов об интеграции, ассимиляции, поляризации культуры, о языковых границах, об установлении горизонтальных связей, возможностей прогнозирования социальной и политической ситуации и повестки, связи социологического и антропологического подходов.

Таким образом, второй день конференции был посвящен культурологическому осмыслению границ через связь с социальным, политическим и эстетическим измерениями. Способы сборки культурного кода, его трансляции и переформатирования (утренняя сессия) в сочетании с анализом способов описания, формирования и функционирования различного типа сообществ (дневная сессия) позволили представить границу как способ конструирования социально-политической реальности. Попутно объектами проблематизации стали понятия субъекта и его опыта, уточнилась возможность применения семиотических схем, релятивизировались границы морального. Соотнесение субъекта, языка высказывания и специфики взаимодействия и коммуникации в той или иной среде позволили типологизировать, проблематизировать и проанализировать сами сообщества: гендерное, пронцаемое и непроницаемое, открытое и закрытое, управляемое и ускользящее от управления.

Третий, завершающий день конференции был посвящен динамическому осмыслению границы как в измерениях пространства, времени, области и территории, так и в измерениях легитимации, акторов, символического пространства, наконец, в теоретическом и терминологическом измерениях. Граница как формируемый и мыслимый феномен, в свою очередь, задает определенный способ понимания человеческого, культурного, исторического и политического, являясь во многом способом их (пере)изобретения. Вопросы границ империй и самой возможности говорить об империи в современности, различных институций и механизмов влияния, способов сборки культурных, социальных, исторических и антропологических кодов позволяют в различных пониманиях и прочтениях границы обнаружить горизонты схождения.

В утренней сессии третьего дня, озаглавленной «Империя: границы и фронтиры» (модератор Ирина Прохорова), в фокус внимания исследователей попали способы формирования, релятивизации и легитимации границ. В соотношении динамики и статики (фронтиры), внутреннего и внешнего (пространство), языка и идентичности проблематизировалась сама возможность и значимость границы.

В докладе *Светланы Баньковской* (НИУ ВШЭ, Москва) «*Границы и фронтиры: к истокам культурного конфликта*» было проведено различие между фронтиром (frontier) и границей (border) как способами культурной идентификации. Такое разделение позволило докладчице задаться вопросом о том, когда именно промежуточное (неактуализированное) пространство, где помещаются маргиналы между границ, становится определенным, наблюдаемым и тематизируемым.

Трансформация границы во фронтир есть процесс утраты границей статики, ситуация, в которой сама граница приходит в движение. Справедливо и обратное: фронтир, утративший динамику, постепенно трансформируется в границу. Различие между границей и фронтиром, помимо различия в статике и динамике, может усматриваться и по отношению к тому, что находится за границей или за пределами фронта. Если граница — это линия, которая жестко распределяет отношения противник/враг/сосед, то фронтир, напротив, регион, за пределами которого находится другая область. Иными словами, граница выполняет функцию государственно-организованного политического образования. Именно государство либо юридически, либо физически устанавливает, поддерживает и обеспечивает соблюдение границы. Фронтир же — это среда, предполагающая пространство свободной конкуренции, при этом продвижение фронта может стать причиной появления все новых и новых потенциальных конкурентов. На примере истории России докладчица показала, что с Запада имела место именно граница, тогда как Восток, напротив, представлял собой фронтир.

Фронтир оказывается непосредственно интересен как место столкновения различных реальностей, традиций, ценностей, способов организации быта и т.д. Такое столкновение может разворачиваться в пространстве конкуренции, компромисса или конфликта. Именно в измерении культуры фронтир и происходящее на нем оказывается наименее формализованным способом взаимодействия и коммуникации. При этом пространство фронта сужается. По мере продвижения и закрепления он с течением времени становится пограничной территорией, усиливается политическое, экономическое и военное влияние, за которым уже следуют введение законов и социальных институтов. По мнению докладчицы, фронтир в истории — процесс, предполагавший расширение одного мира и исчезновение другого, его полную ассимиляцию или по меньшей мере аккомодацию. Иной способ трансформации фронта в границу — встреча с еще одним фронтиром, то есть опять же утрата динамики. Важным оказывается то, что происходящее на фронтире — социальная практика, наглядный процесс взаимовлияния физической среды и социальных институтов — власти, экономики, образования и религии (Ф. Тёрнер). При этом отличительной чертой существования этих институтов на фронтире является свобода.

Обратный процесс границы, пришедшей в движение, то есть процесс трансформации границы во фронтир, порождает в измерении культуры пять типов парадоксов, связанных с конфликтными ситуациями в повседневной жизни и внезапностью самого конфликта; с повышенной, а не пониженной толерантностью; с тождеством, причем зачастую полным конфликтующих сторон, а вовсе не с их различием; со слишком близкими отношениями между враждующими, а не только с враждой.

Анализ процессов трансформации фронта в границу и обратно позволяет работать с современностью и измерением ее культурных практик, то есть подводит разговор к фигуре фронтирмена.

В дискуссии после доклада обсуждались вопросы разносторонности границы — несовпадения административных, экономических, политических и других границ; ойкофобия и возможность ее локализации в конфликтах; различия между социологическим и историческим подходами к исследованию фронтиров и границ; возможности говорить об идентичности применительно к фронтиру как определенной области.

Различие между фронтиром и границей пересекается со смыслом и назначением границы в империи, чему и был посвящен доклад *Александра Филиппова* (НИУ ВШЭ, Москва) «*Горизонты империй в пространстве и времени: социоло-*

гические предпосылки повседневных коммуникаций». Движение к осмыслению границ империи, равно как к вопросу о возможности в современности говорить о феномене империи, строится на различии социологии пространства, восходящей к Георгу Зиммелю, и социологии времени, берущей свое начало у Никласа Лумана. Оппозиция пространства и времени в ее социологическом развороте выстраивается через противопоставление измерения коммуникации (экономика, новости, наука) и измерения территорий, которые, будучи четко очерченными, легко обнаруживаемыми, задают измерение государственного, то есть создают определенный фокус институционального устройства. Границы (border) как пространственная отсылка оказываются тем, что непосредственно прочерчено, определено в измерении государства, они же в тех процессах, которые происходят в современности, кажутся стирающимися и уступающими место «смысловому горизонту», задающему порядок и практики коммуникации. Именно здесь, отметил докладчик, между измерением глобального мира, нивелирующего (или, по крайней мере, стремящегося это сделать) границы (boundaries) в их социально-политическом прочтении и измерением государства, отстаивающего (по крайней мере, изначально) единство территории, населения и институций, обнаруживает себя феномен империи.

Империя, в отличие от государства, проблематизирует измерение границ. Сами границы нередко рассматривались в те или иные исторические периоды, во всяком случае изнутри, как «весь мир», известный на момент существования этих империй. Идея универсальности, таким образом, определяет империю, у которой нет границ в том смысле, в котором они есть у государства. В случае с империями, как утверждает Филиппов, уместнее говорить не о границах, а о горизонтах, пределах (limits), передающих скорее само стремление взять под контроль, планировать продвижение, установить свой закон. Такая попытка провести различия между пределами и границами во многом перекликается с докладом Светланы Баньковской и ее прочтением оппозиции «фронтир — граница». Таким образом, в феномене империй обнаруживает себя двойной смысл горизонта: горизонт смысла событий во всемирном обществе (как у Лумана) и горизонт пространственного расширения имперской мощи (imperial power), что ставит вопрос о необходимости проблематизации границ и ведет к тому, что в социологии названо пространственным поворотом.

Докладчик указал три возможных смысловых измерения границы: межа (boundary), проведенная на земле; политическая граница, определяющая юрисдикцию; символическая граница, задающая нематериальное измерение идентичностей (язык, культура и т.д.). «Быть единством всех трех измерений граница может лишь тогда, когда за пределами одного политического единства и как солидарного сообщества (political unit as a community of solidarity) находится другое такое же сообщество». До момента изучения глобального общества в социологии связи общества с государством вопрос ставился о возможности структурировать три смысловые измерения границы. Например, через понятие «гражданской общины» (Т. Парсонс). Но по мысли Филиппова, именно это понимание, казавшееся устаревшим при появлении глобального общества, а вместе с ним и сама идея империй, вновь становятся актуальными сейчас.

В империи имеет место разрыв между фактическим и идеальным, между декларируемым признанием границ и тем, что сама граница устанавливается «не извне и не по взаимному соглашению, а изнутри, не признанием и не правом, а самоопределением (self-determination)». Изнутри границ у империи нет, а горизонт империи задается принципом «и так далее», и этот горизонт — не горизонт событий, а горизонт возможности совершить политическое действие (political action). При ослаблении глобального общества, которое имеет место сейчас, вновь вступает

в силу имперский принцип, согласно которому экспансия «империи» ограничивается только наличием ресурсов и встречной экспансией другой «империи». Соответственно, проблемой, которую здесь можно сформулировать, является то, что сами империи представляют собой социальное и культурное многообразие при том, что социального общества у них нет. Таким образом, логика империи с ее принципом экспансии вступает в противоречие с гражданской общностью, которое, по словам докладчика, «не желает не только расширяться, но и не расположено ни к какому имперскому многообразию, что является проблемой для имперского универсализма».

В дискуссии после доклада обсуждались возможности применения понятия фронта к анализу логики империй, возможности смыслового наполнения и дополнения понятия «горизонт», а также то, насколько влияет на анализ рассматриваемой проблемы смена оптики с «изнутри» империи на «вне».

В докладе *Евгения Добренко* (Венецианский университет Ка'Фоскари, Италия) «*Дружба народов не знает границ*»: прагматика и риторика братства и советское имперское воображаемое в поэзии народов СССР сталинской эпохи» рассматривалось понятие внутренних границ (borders) империи через анализ поэтического дискурса в его связи с проблематикой национальной, культурной, языковой идентичностей в республиках Советского Союза.

Литературоцентризм русской культуры в дополнение к необходимости легитимации сталинского режима и стирание внутренних границ при неизменном стремлении к внешней (по крайней мере, идеологической) экспансии порождают две риторические фигуры: «пролетарский интернационализм» и «дружбу народов».

В процессе разворачивания риторики «дружбы народов» в первую очередь сам язык перестает пониматься как граница и перестает быть просто «средством общения», а становится неким связующим средством. Поэт наделяется функцией переводчика, а язык делается медиумом «чистого содержания», лишенным формы. Метафора «большой семьи» задает порядок дискурса, в котором национальные языки раскрываются во всем своем многообразии исключительно через переводы с русского. При этом главная функция языка «дружбы народов» тавтологична по своей природе и сводится к воспеванию самой «дружбы народов».

Гомогенность внутреннего пространства в его противопоставлении гетерогенности внешнего задается именно литературой, которая, в свою очередь, оказывается объединяющим пространством, местом встречи различных идентичностей. Тем самым вслед за языковой идентичностью стирается и национальная, что является еще одной задачей, которую решает литература, создающая новую, «общесоюзную», советскую идентичность. Стирание границ языковой и национальной идентичностей приводит в послевоенный период к утрате идентичности исторической.

В соотнесении внутренних постоянно стирающихся границ с внешними, при том что эта соотнесенность выступает как своеобразная линия напряжения, по которой выстраивается все гомогенное пространство советской империи, можно выделить закономерность: чем напряженнее и непрозрачнее была внешняя граница, тем более гомогенным становилось внутреннее советское пространство, достигшее в сталинскую эпоху полной прозрачности.

Добренко предложил описать специфику Страны Советов через совмещение двух разнонаправленных принципов: принципа раздробления, доминирования, иерархии и принципа гомогенности, политкорректности и равенства. Тот факт, что один принцип подрывал другой, высвобождает, в силу невозможности контроля за всем происходящим, внутри гомогенного пространства измерение выбора: следовать ли риторике «дружбы народов» или отказываться от нее.

В дискуссии после доклада обсуждались вопросы соотношения внутри советской риторики понятий «дружба» и «братство», «ненужности» перевода в рамках функционирования единого метаязыка, процессов смены риторики «дружбы народов», ее исчезновения с 1980-х годов.

В дневной секции «Границы империи, границы другого» (модератор Арсений Куманьков) рассматривались способы формирования, мышления и идентификации границы в теоретическом и культурно-антропологическом горизонтах.

Как показал *Пол Верт* (Университет Невады, Лас-Вегас, США) в докладе «*Обособление России: границы и кавказское звено*», формирование границы в измерении культурной антропологии позволяет выявить границу как результат деятельности множества акторов (исторических, инфраструктурных, предметных и, наконец, человеческих). В результате довольно сложно, а зачастую и невозможно выстроить единый нарратив, в котором можно было бы описывать феномен границы.

Верт использовал в докладе архивные материалы, позволяющие исследовать границы Российской империи на Кавказе. Рассматривая, в частности, Туркманчайский мирный договор 1828 года между Российской империей и Персией (Ираном), докладчик попытался понять эту границу этнографически. Процесс формирования границы, осмысленный с привлечением большого количества эмпирического материала, позволил исследователю описать процесс трансформации фронта в границу.

Трансформация пространства из «пространства империи» в «пространство государства» (Ч. Майер) обнаруживает возможность понимания границы (border) не как линии, но как территории, где акторами могут выступать как природные феномены (реки, горы и т.д.), так и люди, что по-своему переключается с докладами Айтен Юран и Эда Кейси.

Наличие или отсутствие таких простых элементов инфраструктуры, как пограничные знаки, паромы, мосты через реку Аракс, которые были основными судоходными путями между Россией и Персией, водяных мельниц, колодцев — все это вело к тому, что формировало границу как отдельное инфраструктурное пространство.

Возможности игнорирования границы как кочевниками, животными, так и контрабандистами, разбойниками, неопределенность административных и бюрократических юрисдикций позволяют говорить о потенциале ускользания от всех типов контроля и управления, который сулит граница (что является еще одним возможным дополнением к докладу Кевина Платта). Именно люди становятся тем культурным аспектом, которые не пересекают, не разделяют и не соединяют, а пишут границу или вписывают ее в историю. К таким людям относятся макинские ханы, контролировавшие важные транспортные связи между Персией и Россией; таможенные чиновники, торговцы и купцы, в том числе и люди, управлявшие парходами и паромами, которые пытались сохранить монополию; кочевники (например, пограничные курды, которые находятся на стыке трех государств и не признают власть ни одного из них); мигрирующая рабочая сила, беженцы (например, армяне, спасающиеся от голода в 1840-х годах, а позже и от насилия).

Наконец, переход к жестко охраняемой границе, то есть остановка фронта и всех акторов, действующих на приграничных областях, по словам докладчика, является маркером европейского типа государственности.

Таким образом, самый «эмпирический» доклад конференции позволил проследить возможности применения теоретических моделей и понятийного аппарата в практическом измерении.

В дискуссии после доклада обсуждали вопросы «разделенной границы» и возникновение новых типов связи и отношений между различными акторами, дей-

ствующими на фронтире. Отдельно обсуждался вопрос о документальных и юридических свидетельствах деятельности бюрократического аппарата, то есть вопрос о границах самой государственности.

Тематику эмпирических исследований положения людей на границе продолжил доклад *Матийса Пелкманса* (Лондонская школа экономики и политических наук, Великобритания) «*Имена, семьи и могилы “на грани” империи (грузино-турецкая граница)*». Вопросы об имени, семье или политике памяти как первичных способах самоидентификации, безусловно, относятся к одним из самых чувствительных. Линия напряжения задана не только подвижностью самой границы, трансформацией фронта в границу и обратно, но и подвижностью смысловой определенности, нагруженности того, что передается термином «граница» (border). Напряжение это можно передать термином «край», или «грань» (edge), отсылая к идиоме «быть на грани» или к метафоре острого края, режущей поверхности предмета. Состояние людей на границе (в рамках доклада рассматривалась граница между Турцией и Грузией) лучше всего описывается именно этим термином.

Национальная, культурная или религиозная идентичности обращены не только в прошлое и настоящее, но и в будущее. Так, в начале доклада Пелкманс рассказал о случае смены надгробия на могиле женщины, умершей задолго до событий настоящего времени. Политика памяти в данном случае смыкается с практиками национальной идентичности (на новом надгробии изменено имя с турецкого на грузинский), которые, в свою очередь, отсылают и к религиозной идентичности (ее родственники не мусульмане, а христиане). Именованье оказывается в центре исследовательского интереса докладчика как свидетельство резонанса тех или иных зачастую трагических событий в истории, одновременно позволяющее пролить свет на страхи и ожидания не только тех, кто пережил насилие смены имени, но и тех, кто имеет дело с наследием этих событий. Исторический резонанс оказывается тем, что распространяется во всех временных модальностях и возобновляет вопросы об устройстве власти и «фактурной сущности коллективной идентификации на грани империи».

В дискуссии после доклада обсуждались вопросы того, как переживались процессы смены имен самими жителями; насколько изменилось восприятие тех событий (конец XIX — начало XX века) спустя десятилетия; как именно — эстетически или лингвистически — проявлен процесс смены имени; наконец, вопросы о возможности выстраивания баланса страхов и ожиданий участников, свидетелей и наследников исторических событий.

Конференция завершилась возвращением к теоретическому срезу понимания границы в докладе *Ильи Мавринского* (НИУ ВШЭ, Москва) «*Невидимая граница причастности. Динамическая (не)определенность границы: разворачивание, завершенность, начало*».

Динамическое отношение, включенное в само понятие границы (boundary), не только отсылает к парам «полагаемое — преодолеваемое» (И.Г. Фихте), «разделенное — сходящееся» (Ф. Шеллинг), «тождественное — различное» (А. Шопенгауэр), но и позволяет по-разному прочесть как процесс преодоления, так и процесс полагания. Обращаясь к классической традиции и ее способам тематизации границы, в оспаривающем диалоге с которыми находится современность, можно заметить, что для каждого способа понимания границы есть свой собственный горизонт причастности, равно как и свое слепое пятно «причастности “к”», из которого сама же граница становится возможной. Для Фихте динамика полагания и преодоления границы отсылает к «я», в котором различаются «ряд действий “я”» и «ряд наблюдений философа за действиями “я”». Само «я» может быть прочитано как складка (лат. *plica*), тогда как процесс полагания и преодоления границы как разворачи-

вание складки (экспликация). Соответственно, само «я» оказывается тем, что конституируется, проявляется вместе с полаганием границы, оставаясь до этого сокрытым. Для Шеллинга слепым пятном оказывается свобода. В измерении свободы, мимо которой, по словам докладчика, Шеллинг «не хочет промахнуться», обнаруживается причастность к некоторому изначальному плану творения и игре сил, проявленных уже в самой природе воли. Именно со свободой как пределом, границей, движение к которой есть реализация потенций и сил, уже вложенных в творение, мы имеем дело как с «всегда уже наличествующей». Наконец, для Шопенгауэра граница, напротив, предстает как начальная точка неразличности воли и тела, обнаруживая возможность возвращения к этой неразличности в опытах боли и удовольствия. Движение «от границы» — движение различия, расхождения воли и представления — может быть прочитано как формирование, конституирование различия между телом и его образом, восприятием, потенциями и способами выражения.

Таким образом, невидимость границы, с одной стороны, и ее динамическая устроенность — с другой, позволяют выстроить базовые оппозиции центра и периферии, основания и обоснованного, нехватки и избытка, кочевого и оседлого. Граница в таком случае может быть прочитана как условность, которую невозможно игнорировать, но всегда возможно изменить, переписать или прочертить по-новому. Именно эта возможность иного прочерчивания границы открывает простор для работы с политиками памяти, проблемами идентичности, возможностями политического действия или эстетическим жестом.

В дискуссии после доклада обсуждались вопросы формирования общего фокуса в различных способах понимания термина «граница»; способов, которыми границы проявляются в повседневных практиках и событийности; и наконец, тематизации опыта причастности, из которого разворачиваются и прочерчиваются границы.

Обсуждение доклада плавно переросло в подведение итогов конференции. Отправной точкой в этом движении стал вопрос о природе и способах понимания зла, где отмечалось, что зло — «это не немощь, оно обладает собственным потенциалом и способностью к действию. Всегда есть силы, которые запущены в игру. Но есть и бесконечное множество вариаций одних и тех же сил, бесконечные возможности пересборки — именно это дает способность к различию добра и зла» (И. Мавринский). Способность к различению как исток гносеологического отношения применительно к границе позволяет связать ее с памятью и забвением. Как писал Т. Элиот, река как граница «ждет — наблюдает — ждет», следовательно, граница, по словам Т. Вайзер, предается забвению и одновременно сопротивляется этому забвению, оказываясь особым топосом опротестования, через который она и транслирует свой смысл.

В ходе конференции неоднократно отмечалось, что граница зачастую не может быть понята как простая линия, но скорее отсылает к территории, области, пространству. Указанное пространство может быть описано как пространство «между». Граница разделяет и соединяет, расчерчивает и размечает различные смыслы, способы сборки, стратегии субъективации, повседневные практики. Граница обнаруживает общность как то, что присутствует, чувствуется и ощущается. Целью конференции, по словам организаторов, было преодоление различных границ: языковых, концептуальных, границ между разными странами. Поскольку граница — это всегда то, что за ней, и граница — это всегда то, с чем можно вступать или не вступать в отношения, постольку сама граница оказывается актором. Отсюда концептуальный посыл конференции: акцентировать внимание на важности вступать в отношения с чем-то, отличным от нашего «я», привычной системы координат,

с чем-то потенциально иным. Этический и гносеологический посыл организаторов чтений заключался в возможности и принятии Иного. Тема границы стала звучна не только переосмыслению опыта прошлого и попыткам отрефлексировать этот опыт, но и стремлению выявить слепые пятна настоящего. Граница опыта как предел, как горизонт вечно ускользающей дали остается недостижимой для того, чтобы извлечь его, не повторить ошибок и «не впасть в дурную бесконечность» (М. Мамардашвили).

Как отмечалось по ходу конференции, событие всегда возникает в окрестностях проблемы и нужно быть готовыми к событию, будь то событие встречи, событие понимания, событие признания Другого или событие преодоления границы. На XXX Банных чтениях в фокусе внимания оказалась антропологическая составляющая взаимодействия с границей в ее историческом, культурном, социальном и политическом измерениях. Вопросы и проблемы, возникшие в ходе конференции, оставляют надежду не только на интерес к материалам конференции, но и на будущие исследования.

Виктория Мавринская